

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ШОССЕ 50: В ДОМЕ ВОЛКА И СКОРПИОНА	11
Часть II. БЕЗНАДЕГА: В ЭТОЙ ТИШИ ВСЯКОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ	170
Часть III. «АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД»: ТЕНИ ЛЕГЕНД	280
Часть IV. КИТАЙСКАЯ ШАХТА: БОГ ЖЕСТОК	383
Часть V. ШОССЕ 50: ОТПУЩЕН РАНЬШЕ	496

Картеру Уитни

Выражаю особую благодарность Ричу Хаслеру из «Магма майнинг корпорейшн», Уильяму Уинстону, священнику епископальной церкви, Чаку Верриллу, моему давнишнему (и многострадальному, мог бы он добавить) редактору, и Табите Кинг, моей жене и главному критику. А теперь, когда все они названы, Постоянный Читатель, вместе со мной вы можете сказать большое спасибо им за удачи, а уж за промахи поругать меня.

С. К.

Пейзаж его поэзии — все та же пустыня...

Салман Рушди.

Сатанинские стихи

ЧАСТЬ I ШОССЕ 50: В ДОМЕ ВОЛКА И СКОРПИОНА

ГЛАВА 1

1

О Господи! Пресвятой Иисус!
— Что такое, Мэри? Что?
— Разве ты не видел?

— Не видел что?

Она повернулась к нему. В яростном солнечном свете, заливающим пустыню, он увидел, как кровь отхлынула от лица Мэри, на бледной коже особенно четко проступили пятна ожогов на щеках и над бровями, где не смог помочь даже самый сильный солнцезащитный крем.

— На том знаке ограничения скорости.

— И что там?

— Дохлая кошка, Питер. Прибитая или приклеенная, кто ее знает.

Он нажал на педаль тормоза. Мэри схватила его за плечо:

— Только не вздумай разворачиваться.

— Но...

— Что «но»? Может, хочешь сфотографировать? Не пойдет, парень. Если я увижу ее еще раз, меня стошнит.

— Кошка белая? — В зеркало заднего обзора Питер видел тыльную сторону знака, того самого знака ограничения скорости, о котором говорила Мэри, но ничего больше. Когда они проезжа-

ли мимо, он смотрел в другую сторону, на каких-то птиц, кружащих над ближайшим холмом. Не все же время таращиться на дороге. В Неваде федеральное шоссе 50 прозвали самой пустынной автострадой Америки и, по мнению Питера Джексона, попали в десятку. Правда, он вырос в Нью-Йорке, поэтому бескрайние просторы и отсутствие автомобилей давили на него сильнее, чем на уроженца той же Невады.

— Нет, полосатая, — отозвалась Мэри. — А какая разница?

— Я подумал, что в пустыне чудят сатанисты. Мэриэл говорила, что люди тут странные.

— Впечатлительные, — поправила его Мэри. — Цитирую: «Центральная Невада полна впечатлительных людей». И Гэри подтвердил ее слова. А поскольку мы никого не встретили после того, как пересекли границу с Калифорнией...

— Но в Фэллоне...

— Заправки не в счет. Хотя даже там... — На лице Мэри отразились непонимание и беспомощность. В последнее время такое случалось редко, хотя раньше, в первые месяцы после выкидыша, выражение это не сходило с ее лица. — Почему они живут здесь, Питер? Я еще понимаю тех, кто обитает в Вегасе или Рино... даже в Уиннемакке или Уэндовере...

— Те, кто приезжает из Юты, называют Уэндовер Пьяньдоевром, — улыбнулся Питер. — Гэри рассказывал...

— Но остальная часть штата... — Мэри его словно и не услышала. — Люди, которые там живут... Зачем они пришли туда? Почему остались на этом месте? Да, я родилась и выросла в Нью-Йорке, возможно, я чего-то не понимаю, но...

— Так ты уверена, что кошка не белая? И не черная? — Питер быстро глянул в зеркало заднего обзора, но они мчались со скоростью семьдесят миль в час, так что знак давно растворился среди песка, мескитовых деревьев и коричневых холмов. Зато позади наконец-то появился еще один автомобиль. Ветровое стекло его так и сверкало в солнечных лучах. Их разделяла миля. Может, две.

— Нет, полосатая, я же сказала. Отвечай на мой вопрос. Кто они, здешние налогоплательщики, и что их тут держит?

Питер пожал плечами:

— Налогоплательщиков тут всего ничего. Фэллон — самый крупный город, расположенный на шоссе пятьдесят, и основное занятие местных жителей — сельское хозяйство. В путеводителе сказано, что они построили дамбу и теперь у них есть вода для полива. А выращивают они главным образом мускусные дыни. Я думаю, где-то рядом есть военная база. Через Фэллон проходит междугородный автобусный маршрут.

— Я бы уехала. Забрала свои дыни и уехала.

Правой рукой он коснулся ее левой груди:

— Это прекрасная пара дынь, мэ.

— Спасибо на добром слове. Дело не в Фэллоне. Я бы уехала из любого штата, где, куда ни глянь, — ни дома, ни дерева, а к знакам ограничения скорости приколачивают кошек.

— Видишь ли, зона восприятия — дело тонкое. — Питер тщательно подбирал слова. Иногда (сейчас был как раз такой случай) он не знал, шутит Мэри или говорит серьезно. — Ты вот родилась в мегаполисе, поэтому Большой Бассейн в твою зону просто не укладывается. В мою, кстати, тоже. Одного здешнего неба и бесконечного горизонта достаточно, чтобы у меня поехала крыша. Я с самого утра чувствую, как все это давит на меня.

— И на меня. Еще как давит.

— Ты сожалеешь, что мы поехали? — В зеркале заднего обзора он увидел, что расстояние до автомобиля, ехавшего сзади, сократилось. Это не грузовик, который они видели на выезде из Фэллона, а легковушка. И несется как бешеная.

Мэри задумалась, потом качнула головой:

— Нет. Хорошо, что мы повидались с Мэриэл и Гэри... И озеро Тахо...

— Прекрасное озеро, правда?

— Восхитительное. Даже здесь... — Мэри посмотрела в окно. — В пустыне есть своя прелесть, этого у нее не отнимешь. Наверное, я запомню ее на всю оставшуюся жизнь. Но...

— ...мурашки бегут по коже, — закончил за нее Питер. — Если ты из Нью-Йорка.

— Чертовски верно, — согласилась Мэри. — С урбанистической зоной восприятия. Даже если бы мы поехали по другой автостраде, все равно увидели бы одну пустыню.

— Это точно. — Он вновь посмотрел в зеркало заднего обзора. Очки, которые он надевал, садясь за руль, блеснули на солнце. Их настигала патрульная машина, мчавшаяся со скоростью никак не меньше девяноста миль в час. Питер прижался к обочине, правые колеса съехали с асфальта, подняв шлейф пыли.

— Пит? Ты чего?

Еще один взгляд в зеркало. Хромированная решетка радиатора, сверкавшая так ярко, что Питеру пришлось прищуриться, стремительно надвигалась на них... Но машина вроде бы белая, значит, не полиция штата.

— Стараюсь вжаться в землю. Может, и не заметят. За нами коп, и он торопится. Возможно, преследует...

Патрульная машина просвистела мимо. «Акуру», принадлежащую сестре Питера, основательно трягнуло. Действительно, машина белая, но изрядно покрытая пылью. С названием города на дверце, прочитать которое Питер не успел. Без... и что-то там дальше. Может, Бездна. Вполне подходящее название для города, затерянного на просторах Невады.

— ...того парня, что прибил кошку к знаку ограничения скорости, — закончил Питер.

— Но почему он едет так быстро без включенной мигалки?

— А от кого ему освободить дорогу?

— Как от кого? — Вновь непонимание и беспомощность на ее лице. — От нас.

Питер открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его. А ведь Мэри права. Коп видел их ровно столько же, сколько и они его, может, и дольше, так почему он не включил мигалку, не просигнализировал фарами? На всякий случай. Разумеется, у Питера и у самого хватило ума прижаться к обочине, чтобы не мешать копу, но...

Внезапно у патрульной машины вспыхнули тормозные огни. Питер автоматически вдавил в пол педаль тормоза, хотя уже сбросил скорость до шестидесяти миль, а патрульная машина умчалась достаточно далеко, и столкнуться они никак не могли. Патрульная машина тем временем перешла на встречную полосу.

— Что это он вытворяет? — спросила Мэри.

— Кто его знает.

Но Питер, разумеется, знал: коп сбрасывал скорость. С восьмидесяти пяти или девяноста миль, на которых тот проскочил мимо, она упала до пятидесяти. Хмурясь, не понимая, что происходит, притормозил и Питер. Стрелка спидометра на машине Дейдры качнулась к цифре 40.

— Питер! — В голосе Мэри послышалась тревога. — Питер, мне это не нравится!

— Все нормально, — успокоил ее Питер.

Но так ли это? Он смотрел на патрульную машину, ползущую по встречной полосе, и гадал, в чем же дело. Попытался рассмотреть копа, что сидел за рулем, но заднее стекло покрывал плотный слой пыли.

Тормозные огни, тоже запыленные, вновь сверкнули: коп еще сбросил скорость. Теперь она не превышала тридцати миль в час. На дорогу, прямо под колеса патрульной машины, вынесло перекасти-поле. Шины расплющили его по асфальту. А то, что осталось от перекасти-поля, почему-то напомнило Питеру кисть с переломанными пальцами. Его охватил страх, даже ужас, причину которого он не мог понять.

Дело в том, что Центральная Невада полна впечатлительных людей. Так сказала Мэриэл, и Гэри это подтвердил. А впечатлительные люди ведут себя именно так. То есть странно.

Разумеется, все это чушь собачья, ничего странного тут нет, во всяком случае, очень уж странного, но все же...

Опять блеснули тормозные огни. Питер в ответ автоматически нажал на тормоз, потом посмотрел на спидометр и увидел, что скорость упала до двадцати пяти миль.

— Чего он хочет, Пит?

Теперь намерения копа уже не составляли для него тайны.

— Вновь оказаться позади.

— Почему?

— Понятия не имею.

— Почему он просто не остановится на обочине, если хочет именно этого?

— Не знаю.

— Так ты намерен...

— Естественно, я обгоню его. — И неожиданно для себя Питер добавил: — В конце концов, мы не прибавляли эту чертову кошку к знаку ограничения скорости.

Он надавил на педаль газа и начал настигать патрульную машину, плетущуюся со скоростью двадцать миль в час.

Мэри с силой сжала его плечо, короткие ногти впились в кожу через синюю тенниску.

— Не надо.

— Мэри, ничего другого нам не остается.

Пока они препирались, «акура» Дейдры поравнялась с белым «каприсом», а потом оставила его позади. Питер покосился влево, но через два стекла практически ничего не увидел. Понял только, что коп — мужчина крупный. И еще ему показалось, что он смотрит в их сторону. А вот надпись на дверце Питер прочитал: «БЕЗНАДЕГА. ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК». Золотые буквы под гербом города: всадник и шахтер, пожимающие друг другу руки.

Безнадега, подумал Питер. Все лучше, чем Бездна. Намного лучше.

Как только он обогнал патрульную машину, она тут же вернулась на свою полосу и, прибавив скорость, прилепилась к заднему бамперу «акуры». Так они и ехали тридцать или сорок секунд (для Питера эти секунды тянулись гораздо дольше). А потом замигали синие огни на крыше «каприса». У Питера засосало под ложечкой, но он не удивился. Отнюдь.

2

Рука Мэри все еще сжимала плечо Питера, когда он свернул на обочину.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь, Питер?

— Останавливаюсь. Он включил мигалки и сел нам на хвост.

— Мне это не нравится. — Мэри нервно огляделась: пустыня, холмы и бездонное синее небо. — Что мы сделали?

— Возможно, превысили скорость. — Питер смотрел в боковое зеркало.

Он прочитал надпись на украшающей бампер наклейке: «ОСТОРОЖНО! ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ ОБЫЧНО БЛИЖЕ, ЧЕМ ВАМ КАЖЕТСЯ».

И тут же открылась дверца, а за ней показалась нога в хаки. Здоровенная нога. Затем ее обладатель вылез из кабины, захлопнул дверцу и надел на голову шляпу (в кабине для шляпы места бы не хватило, предположил Питер). А-ля медвежонок Смоки*.

Мэри оглянулась, и глаза ее удивленно распахнулись.

— Святой Боже, да у этого парня габариты футболиста**.

— Как минимум, — согласился Питер.

Взяв за точку отсчета крышу патрульной машины (пять футов от земли), он прикинул, что рост копа, шагающего к «акуре» Дейдры, никак не меньше шести футов пяти дюймов. А вес — за двести пятьдесят фунтов. Может, и за триста.

Мэри отпустила плечо Питера и вжалась в дверцу, стремясь до максимума увеличить расстояние между собой и гигантом. На бедре у копа болталась кобура, из которой торчала рукоятка револьвера, такого же огромного, как и сам коп, а вот руки его были пусты: ни блокнота, ни книжечки штрафных квитанций. Питеру это не понравилось. Он не понимал, что сие означает, но ему это явно не нравилось. После получения водительского удостоверения его четырежды штрафовали за превышение скорости и один раз — за избыток алкоголя в крови (после рождественской вечеринки на факультете три года назад). И ни разу коп не подходил к нему с пустыми руками. Сердце Питера, которое и так билось быстрее обычного, застучало сильнее. Оно еще не выскакивало из груди, но он чувствовал, что скоро дойдет и до этого.

Ты ведешь себя глупо, и ты это знаешь, сказал он себе. Речь идет о превышении скорости, ни о чем больше. Установленный ограничительный знак — шутка, и все знают, что это шутка, но парень, несомненно, обязан оштрафовать определенное число нарушителей. А что касается превышения скорости, штрафовать за это лучше всего приезжих. Ты это знаешь. Поэтому... Как назывался альбом старины ван Халена? «Жуй их и улыбайся?»

* Smokey Bear — талисман службы леса, симпатяга медведь в джинсах, шляпе и форменной рубашке лесника. Форма патрульных полиции штата похожа на форму лесников. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Имеется в виду американский футбол, где рост, вес и ширина плеч имеют первостепенное значение.

Когда коп остановился рядом с «акурой», пряжка его пояса оказалась на уровне глаз Питера. Коп не наклонился, он поднял руку (тоже внушительных размеров) ладонью вверх и несколько раз сжал и разжал пальцы, показывая, что желает взглянуть на документы водителя.

Питер снял круглые, без оправы, очки, сунул их в нагрудный карман и опустил стекло. Рядом часто-часто дышала Мэри, словно она напрыгалась через веревочку или натрахалась.

Коп не спеша присел, и в поле зрения Джексонов возникло его огромное бесстрастное лицо. Тень от шляпы падала копу на лоб. Питер отметил, что кожа у него розовая, словно обгоревшая, значит, коп, как и Мэри, не в ладах с солнцем. Выражения ярко-серых глаз Питер понять не смог. Не было в них никаких эмоций. Зато он унюхал запах. Вроде бы лосьон после бритья «Олд спайс».

Коп быстро глянул на водителя, затем его взгляд прошелся по кабине «акуры»: сначала Мэри (замужем, белая, милая мордашка, хорошая фигура, молодая, особых примет нет), потом заднее сиденье, заваленное камерами, сумками, разным хламом. Хлама пока набралось не слишком много: из Орегона они выехали два дня назад, из которых полтора провели у Гэри и Мэриэл Содерсон, слушая старые пластинки и предаваясь воспоминаниям.

Глаза копа остановились на выдвинутой пепельнице. Питер сообразил, что его интересуют окурки «косяков», коп пытается уловить запах «травки» или гашиша, и облегченно вздохнул. Не пыхал он уже лет пятнадцать, «кокса» вовсе не нюхал и практически бросил пить после той приснопамятной рождественской вечеринки. С наркотиками он сталкивался лишь на рок-концертах, когда до его ноздрей долетал дым чьей-нибудь самокрутки. Мэри же вообще ничего подобного не пробовала и иногда называла себя наркодевственницей. В пепельнице коп мог увидеть только две скатанные в шарики обертки от жвачки, а на заднем сиденье не валялись ни банки из-под пива, ни бутылки из-под вина.

— Патрульный, я, видимо, превысил скорость...

— Увлеклись малек? — добродушно спросил коп. — Бывает, бывает. Сэр, я бы хотел взглянуть на ваше водительское удостоверение и на регистрационный талон.

— Конечно. — Питер достал бумажник из заднего кармана брюк. — Автомобиль не мой. Моей сестры. Мы перегоняем его в Нью-Йорк. Из Орегона. Сестра училась в Риде. Рид-колледж, это в Портленде.

Питер понимал, что не говорит, а тараторит, но ничего не мог с собой поделывать. Такое повторялось при каждой встрече с копом: у него буквально начинался словесный понос, словно в багажнике лежал труп или похищенный ребенок. Питер вспомнил, что точно так же говорил, говорил и говорил, когда коп остановил его на Лонг-Айленде после рождественской вечеринки, ля-ля-ля-ля, а коп в это время молчал, занимаясь своим делом: сначала внимательно просмотрел его документы, потом вытащил синий пластиковый мешочек — комплект для определения наличия алкоголя в крови.

— Мэри, тебя не затруднит достать из бардачка регистрационный талон? Он в конверте вместе со страховкой Ди.

Мэри не шевельнулась. Уголкем глаза Питер видел, что она застыла словно статуя. Сам же он раскрыл бумажник и начал рыться в нем в поисках водительского удостоверения. Оно должно лежать в одном из отделений с пластиковыми окошками. Так нет же, не лежит!

— Мэри? — повторил он нетерпеливо, с нотками испуга в голосе. А если он потерял это гребаное водительское удостоверение? Выронил в квартире Гэри, когда перекладывал содержимое карманов (во время путешествия карманы всегда набиты черт знает чем) из одних джинсов в другие? Хотя не мог, конечно, выронить, такого с ним еще не случалось, но... — Ну же, Мэри! Достань этот треклятый регистрационный талон! Пожалуйста.

— Сейчас, сейчас.

Она наклонилась вперед, словно старый, заржавевший механизм, внезапно пробужденный к жизни электрическим импульсом, и открыла бардачок. Начала в нем шуровать, выгребла всякую ерунду: полпачки печенья, кассету Бонни Рэйтт, зажеванную магнитолой Дейдры, карту Калифорнии. Питер видел капельки пота, выступившие на левом виске Мэри. Взмокли и корни ее черных волос, хотя кондиционер исправно гнал в салон холодный воздух.

— Я не... — И тут же паника в ее голосе сменилась облегчением. — Вот он.